I. Басист великой группы

Нет, ну надо же: пригласили работать в магазин гитарный. Консультантом. В зале то есть торчать. Торговом. «Пионерам» гитарки показывать. И долбоящерам седеющим – безладовые басы и пятиструнки. Когда предложили – не понял поначалу, мастер-класс, что ли? Так это запросто… а, вон оно что… не, ну как язык только повернулся? Его, Генделя, так опустить…

А с другой стороны – ну кто его уже знает? «Пионеры», молодежь в смысле, – уж точно нет. Долбоящеры, может, и помнят. Консультант-приманка.

Пока так думаешь-думаешь, пока возмущаешься про себя – в смысле не вслух и в смысле «как дошел я до жизни такой», – сваливается имейл.

«Дорогой, Геннадий!!! Ваша аранжировка, нашей Песни шикарно!!! Но, нам неподходит именно такой, саунд, он к сожалению слишком, “винтаж”. Извиняюсь за беспокойство но требуеться срочно, переделать, что бы по-модней! Ваша…»

Писать по-русски научись грамотно, подумал Гендель. Письмо в корзину сразу, сразу, чтоб не видеть и не вспоминать никогда, аванса так и не дали, суки, жлобье, страну разворовали, а двести баксов за аранжировку зажопили, суки… Тихо-тихо, не кипятись, давление, все дела. Тихо. Ладно, еще одна «шикарная халтура» накрылась. Ничего. Кризис, мало заказов на аранжировки песен – даже у таких фифочек, у которых мужья на частных самолетах в «Розу Хутор» возят любовниц, а они тут поют пока что, в творчестве такие все, реализуются, типа, тупицы.

Партию безладового баса уже давно никто не приглашает сыграть. Кому нужен этот живой бас, если по радио и в Сети все равно его не слышно. Так они думают, сука, лохи неграмотные.

«Без дела не останешься, ты ж басист великой группы! Не баран чихнул!» Когда десять лет назад эта самая «великая группа» распалась, ему все это говорили. И в глаза, и за глаза. Некоторые критиканы, правда, что-то там поскрипывали, дескать, не такой уж он и виртуоз, что у них там за партии-то, не Жако Пасториус, поди. Как Пол Маккартни, скорее: в своих песнях блистает, ну а в других-то, где нотки похитрее выигрывать надо, там-то как? Он вообще умеет что-нибудь играть-то, кроме песен своей группы?

Ну ерунда ж. Играл же в разных группах, и рок, и фанк, слух есть, вкус есть, звук свой, с острой атакой, металлический такой, слэп, но не слэп, а мастерство не пропьешь. Тем более что он и не пьет давно. «Я водочку не пью, / мне овощи и фрукты…»

А поначалу, после ухода, он правда в шоколаде как будто. Один продюсер-организатор концертов собрал супергруппу – из таких же, как он, из

известных команд, или уволившихся, или у которых в основной группе затишье. И на свой же фестиваль поставил. Инфоповод, публикации, телесюжеты, все дела. Два года катали программу – правда, песни все старые из тех групп, откуда он и другие чуваки. Разные по стилю песни, программа пестрая. Слишком даже. «В русском роке вообще все группы особняком стоят», как сказал один умный человек. Что это за стиль вообще? Как настоящее искусство – не поддается имитации, но невозможно продать, как товар. И, на его вкус, у всех русских рокеров, кроме «Сонаты», тексты – как овсянка на воде: питательные, но пресные. Правду-матку рубить – ну кому это надо... Это русский говнорок. Вот в «Сонате» стихи пелись! Особенно те, которые эта барышня филологическая, Марьяна Набокова, писала – там история, сказки, мифы. Крутое месилово.

Супергруппы всегда недолговечны. За редким исключением: когда все строится на особо циничном договоре. Таком: тупо зарабатываем деньги чесом с хитами и ни на чем не заморачиваемся. Но тут другое – они еще довольно молодые, тридцать с небольшим максимум, энергия еще есть, идеи, желание двигаться вперед. Но уже груз хитов и прошлой славы. Ну и все ж уже крутые, взрослые, гордые, опытные. У каждого мнение – решающее, как ему кажется. Хоть больше никому так не кажется.

В супергруппе Генделю было интересно заниматься аранжировками. Он считал, что все должно звучать а-ля жесткая вторая волна британского хеви-метала – совершенно, к слову, бессодержательный термин, ибо все там группы довольно разные, но, короче, идеал Генделя – Judas Priest, эстрадная почти что мелодика в жестком звучании. В таком ключе что угодно сыграть можно, даже забавно получится. Но вокалист, красавчик-блондин в лосинах, считал, что да, эта самая «вторая волна» – отличный выбор, но ориентироваться должно не на «Пристов», а на кого помягче. Например, на Def Leppard.

Короче, откатали тур, и о продолжении никто не заикался. Все разбрелись кто куда. Вокалист-блондин свою команду организовал, с ребятами-музыкантами из младшего поколения. Но он там и командир – автор мелодий, текстов и вообще бог. А Гендель опять не у дел. Попсу ему играть западло, во всяком случае все думали, что западло. Поэтому и не предлагали. В других великих группах есть басист, а если, допустим, нет по каким-то причинам – сторчался-забухал-умер-надоело-все, – то Генделю тоже там не особо рады. Потому что если басист одной великой группы приходит в другую великую группу, то это уже не та великая группа, а новая супергруппа, а что это за засада такая – см. выше. Ну представьте себе, если б в Пол Маккартни пришел в Rolling Stones в девяносто каком-то году, когда от них Билл Уайман свалил? Ну что это было бы, Rolling Beetles или что?

А вот если б Бах, ну, Баканов этот, который вместо него стал играть в «Сонате», Бах кликуха, «мастер полифонии», пусть он... Ну вдруг у него там что-то... переклинит. Нет, грешно, конечно. Но вот если куда-нибудь денется? В секту, например, уйдет – хотя это разновидность медленного самоубийства с отчуждением имущества. Но вдруг. Исчез Бах. И тогда я б, может, с ними бы снова. И вот преследовала эта мысль, прям извела вся: а что если Бах этот недоделанный – который, кстати объективно лабает просто отлично, образование джазовое и наслушанность, все есть – и ни в чем он, в общем, передо мною-то не провинился, вошел в захлопнувшуюся за мною дверь, так вот если б он... В начале 90-х еще можно было мечтать о таком месте работы: хорошие басисты редкость, все у попсы играют, а там год чеса – и квартиру покупаешь. Но тут сама «Соната» распалась. Не сразу. Сначала Валера ушел в бизнес – причем не имя продал под марку, а как-то там рулил даже чем-то. То ли водку продавали, то ли компьютеры собирали, то ли все вместе мастырили-проворили, а из отходов производства делали спиртовые тряпки для протирки мониторов, но это так, фантазии. Без Валеры, как ни странно, еще чесали какое-то время: тупо взяли нового вокалиста. Парня молодого из самодеятельной студенческой группы «Адажио». А он и менеджера привел – тот у них басистом был по совместительству, но музыкант очень слабый, самоучка и вообще ноль. А вот как менеджер оказался – супер, такие концерты пробивал денежные, даже с новым вокалистом и старым материалом «Соната» весь бывший Совок еще разок объездила. Но потом уже явно это все выдохлось, инерция выработалась. А там и здоровье уже не как в двадцать лет. Я б, может, и не потянул бы дальше. Ходишь и напеваешь «Я не пью вина. / Ем овощи и крупы. / А ведь когда-то был / Басист великой группы». В общем, после ухода Валеры и в середине того турне с новым вокалистом Гендель решил когти рвать – ведь басист великой группы, а эта – уже не великая. К его уходу все как-то вообще спокойно отнеслись – видимо, уже поняли, что группа долго не проживет, – и дальше турне катали уже с Бахом, Бакановым этим ловким. Он, кстати, быстро нашелся – это к вопросу о дефи-

ците хороших басистов в отечественном мейнстриме (а «Соната» тогда уже стала мейнстримом, да еще каким – это если вы про стадионы и сборники с группой «Мираж» не поняли).

Опасайтесь мечтать – мечты могут быть услышаны не так. Как в том пошлом анекдоте про ковбоя, который загадал, чтоб у него всегда были монета на выпивку в кармане и беленькая цыпочка с мокрой киской, и желание исполнилось: реально у него из кармана всегда доставалась одна монета и за ним везде ходили цапля белая и кошка вечно мокрая.

Но это уже совсем в сторону мы.

Так вот, наконец-то, когда он уже и не думал. Звонок от Валеры. Воссоединение. 1998 год, осень. Самое ж неподходящее время! Ну, по логике: кризис, у народа денег нет, всем пофиг воссоединения олдовых метал-групп. На самом деле Валера, что ни говори, вот есть у него бизнес-чутье. Время чувствует. Всех к ноябрю задолбали разговоры, статьи и телепередачи про кризис, комментарии Лифшица и всех остальных, так что воссоединение «Сонаты» оказалось отличным инфоповодом. Во времена, когда напряженка с хлебом, люди еще более охочи до зрелищ. Парадокс.

И сразу завертелись воспоминания: как шарашили по три концерта в день на стадионах вместе с «Миражом» и «Браво». Народ тогда все сжирал! Изголодался по развлечениям не хуже, чем по вареной колбасе. За семьдесят лет кобзоновщины по телевизору (с Кобзоном самим, впрочем, тоже в одном концерте пересеклись). Фанера, везде фанера – аппаратуры тупо нет. Магнитофон, усилитель и динамики – все. Включаться некуда.

В провинции – массовые драки: металлисты против брейкеров, панки против хиппи, «Армия Алисы» против всех вообще, в Москве и Подмосковье еще любера орудуют... в других городах пацаны с Челнов Набережных, казанские юные банды и так далее. И просто хулиганье всякое. Выйти вечером на улицу страшно. Интересное время, короче говоря. Кровь закипала.

Заработки с этих бешеных турне три-концерта-в-день в кармане не задерживались, а счет в сберкассе – это смешно. Алкоголь, наркотики, прочие излишества – к славе привыкнуть трудно, а чаще всего и просто невозможно. Гендель успел купить «Москвича» последней на тот момент модели и затонировать ему стекла.

Да, и бас-гитар прикупил десяток. Винтажные, из Штатов, японские. Разные. Но это – инструменты, это вечное. Половина, правда, сейчас уже продана. Вроде подороже – исходную цену разве вспомнишь, да и деньги другие были, но что-то типа «дипломата» с пачками «четвертаков» – но думать об этом не хочется.

Думал: шутка это воссоединение. Вилами по воде. Пока мы там сыграемся, пока продадим себя... Кстати, кто директор? Оказалось – тот самый Женя, Джефъ, который из «Адажио», который последний тур им делал. Назначили дату. Тут Гендель заколебался: а вообще надо, не надо? Чего я ничего сам-то не это... Басист великой группы – это как маменькин сынок прям, ну что за статус, а?

В назначенный день долго выбирал, какую гитару взять – в форме V слишком ностальгически, пятиструнную – слишком пижонски, не джаз, поди, лабать собрался. И шнуры. И примочки.

Воссоединение оригинального состава «Сонаты» происходило так. Гендель в результате пришел первым. Гитарист, второй гитарист / клавишник (да, нужно им иногда «мыло» это синтезаторное, струнные какие-нибудь) и барабанщик чуть позже. Валера, сказал Джефъ, что-то важное выясняет с владельцем студии, потому что тут какие-то особые условия требуются, типа того. Час прошел – Валера не показался. Шутки уже прошутили все.

Гитарист: Блин, вот где он?

Басист Гендель: Звезда наша?

Гитарист: Она. Он в смысле. Певец ртом.

Барабанщик Варфоломеев по прозвищу Барток: Он и раньше опаздывал.

Второй гитарист / иногда клавишник: Ну не на столько же... час уже... Кстати, вы настроились?

Гитарист: Не спеши. Тебе-то настраиваться не надо.

Клавишник: Я к тому – может, поиграем?

Басист: Без вокалиста?

Барабанщик: Без вокалиста ритм-секция лучше слышна.

Гитарист: Ты чо сказал?

Барабанщик: Ничо, ничо, я так... Давайте, правда что, раз, два, три...

Басист: Без вокала я и дома под минус поиграю. Мы зачем собрались?

Гитарист: Ради бабок!

Клавишник: Парни, у меня халтура, мне бежать скоро...

Барабанщик: Я вот, кстати, на свой текущий проект...

Гитарист: Текущий куда, блин!

Барабанщик: ...Забил. Ради воссоединения нашего. И где оно?

Басист: У меня тоже халтура уходит. (Соврал.)

Клавишник: Нет, правда, *ему* сказали, где мы и когда?

Гитарист: Вообще-то это *он* нам сказал.

Клавишник: Ну и где он?

Гитарист: Я откуда знаю? Он взрослый человек, что, мне за ним ехать, что ли?

Барабанщик: Слушайте, я тут грув такой снял вчера, давайте покажу. Раз, два, трь...

Гитарист: Да тихо ты! Сейчас придет...

Клавишник: Мы ничего не перепутали?

И Гендель не выдержал: Ничего вы не перепутали. Он просто показывает так, кто тут главный. Отныне и навсегда. Всегда он таким был...

Гитарист: Ген, Ген, тихо, он все...

Басист: Да засранец он!!! Сволочь снобская, иди ты на хер со своим воссоединением, понял?

Крикнул в потолок, как будто Валера там под этими звукоизолирующими белыми плитами сидел. И вышел из комнаты, хлопнув дверью. Ну, как мог хлопнул – в студиях двери тяжелые, но бесшумные.

Думал: может, позовут. Наверняка позовут. Да я и не против, просто прояви уважение. Они и позвали – Баха этого. Как и почему так решили – он не знает. Так с ним и катают. Судя по всему, Валера просто захотел сделать из группы бизнес-машину – и сделал. И все согласились. И получилось, главное: новая песня – раз в два года, альбом новый мучили лет десять, наверное, а народ все равно ходит-прется.

Гендель не принимал участия в сборных проектах. Ну это где альбом-посвящение тому-то или концерт в честь того-то. Или на телике. Он многих знал, мог бы ходить мордой торговать, рассказывать про всяких... Кобзона того же. Или Талькова Игорька – этот рокер практически. На всяких там «Достояниях республики» по Первому каналу. Не участвовал. Не ходил. Может, зря. Узнавали бы. Лекции бы сейчас читал, как Брайан Иноу. Но вот не учили нас такому. Нас вообще ничему не учили, а музыкальная тусовка сейчас такая, что все уметь надо – влезть, залезть, пролезть... самопиар. Музыки нет – один шоу-бизнес.

Денег у людей немерено, но все хотят дешево. Какому-нибудь папику, у которого телочка «запела», штуку денег сторговывать не западло! У нее мобильник в день больше сжирает! (Наверное, у Генделя мобильника нет.) Даже последний идиот считает деньги, а если не умеет считать, то думает: где меня наколют, разведут и кинут. Гендель нормальные варианты всем всегда предлагает, не залупается, но хорошие предложения всегда подозрительны, безоговорочно верят только напересточникам.

Гендель принципиально отказывался участвовать во всяких сборных концертах ко всяким памятным датам и юбилеям всяких старых мудаков из советской эстрады. Может, и зря, стал бы узнаваемым вне тусовки. Сейчас бы лекции читал, как Брайан Иноу. Но вот не учили нас такому, учили только ладам всяким и аккорды альтерированные как обыгрывать. А потом деньги чемоданами получать за левые концерты, и так это все въелось в мозги, что ничего ты уже с этим не поделаешь.

Это все воспоминания. Рефлексия ненужная. А надо как-то так ответить этим из магазина, чтоб все-таки что-то достойное предложили. Мастер-класс регулярный, например. Надо подумать. Но тут мобильник Генделя, позапрошлогодний китайский смартфон, вдруг заиграл рифф Another One Bites the Dust, три ноты на струне ми, ля-соль-ми-ми-ми... тыды-дын-ды-дын... Гендель на рингтон ставил то эту мелодию, то Day Tripper битловский.

Номер незнакомый. А в голосе обертоны какие-то знакомые. И вот он говорит – на ты, как со старым другом, про какой-то там суперпроект, в котором бюджет немереный, и им аранжировки нужны до зарезу, потому что материал – отстой, нужен человек со вкусом, как ты, кто из этого всего что-то «больше-менее не позорное вытянет, ну, ты сможешь, старик, ты ж Гендель, у тебя ж список послужной, старый корабель, вся корма в ракушках...»

– Извини, – перебил Гендель. – Я этим больше не занимаюсь.

И отключился.

II. Шоу

Говорят, кошка умеет считать до пяти. Если она родила, допустим, шестерых котят и одного забрали – то она не заметит. А если еще одного – то уже волнуется кошка.

Джефъ смотрел на сцену. Пятеро музыкантов. За пультом еще звукач невидимый. Наш тоже, российский, десять лет с группой «Соната». У технической команды – crew, по-иностранному если – свой бригадир. Еще кто-то с нами приехал сюда, в Норвегию... а, точно – юный журналист, от нашего же сайта и фанзина. Завтра норвеги подгонят микроавтобус, «линкольн» или «мерс» представительского класса, то есть правильно рассчитал, уедем все.

Жидкие аплодисменты, крики «Вау!». «Соната» заиграла свой давний хит, «Железную деву». На магнитиздате ходила с 84-го года. Тогда еще никаких хит-парадов не было, но весь Союз эту песню знал. Знатоки западного хеви-метала, правда, го-

ворили, что гитарный рифф содран у датской группы Pretty Maids, но кому какое дело: эта нынешняя норвежская публика одинаково не «секет» ни русскую «Сонату», ни датских Pretty Maids. Да и откуда знать-то, хеви давно не мейнстрим, это только «Соната» собирает стадионы в России. И ближнем зарубежье. В таких мелких клубах, как здесь, не играют. Но организаторы фестиваля «Рок Арктических Наций» предложили нормальные условия, обычный гонорар, а дата как раз попала на период затишья группы, так что Евгений Михайлович по прозвищу Джефъ сказал: о'кей.

В этой красной темноте Джефъ наконец поймал взгляд бармена, а сделать это было непросто, ибо плечистый этот парень все время крутился, вертелся, нырял под стойку, забирал грязные стаканы, хайболы и кружки, в полные хайболы закидывал кубики льда и, тряся белесой бородой, отвечал всем сразу на русском, английском и норвежском, а когда подставлял, наконец, кружку под краник и дергал за ручку, то – замирал прям, глядя вдаль своими светло-голубыми глазами. Дергал ручку вверх, когда снежная вершина пены на сантиметр поднималась над краем кружки, бахал кружку на деревянную стойку – струйка побежала по пупырчатому краю кружки – принимал очередной заказ и снова нырял под барную стойку.

– Ван бир, – сказал Джефъ, подняв вверх указательный палец и добавил норвежскую форму вежливости: – Ваш-шнэль.
– Йо, – ответил бармен.
– Тусен такк, – сказал Джефъ, нажимая на согласный «к».

Бармен пробормотал в ответ что-то типа «ваши гуд», но на этом норвежский Джефа заканчивался. Джефъ из любой поездки привозит языковой трофей. Туры «Сонаты» обогатили его немецким, финским и ивритом. «Все страны бывшего Союза, включая Израиль», это в группе шутка такая про их «расширяющуюся широкую географию команды» (так написано у них на сайте в разделе News).

В Финляндии шведский – второй официальный язык, там вокабуляр Джефа обогатился словом lagom. Очень емкое, перевести только описательно возможно: типа, вот сейчас очень хорошо и достаточно, а если чуть больше – будет уже хуже. Для шведов это формула счастья прям. Джефъ тогда подумал, что это самое антирусское понятие, ибо нам нужно все через край. По беспределу (в хорошем смысле). И рок-н-ролл у нас такой... Впрочем, еще до того, как Джефъ стал менеджером «Сонаты», у этих «ребят», которые старше его отца, беспредел уже весь закончился. И до сих пор группа работает четко, как оборонный завод. А Джефъ – типа главного инженера, не меньше. И не больше.

Обычно вокалист Валерий Алексаныч, Валеро, по сцене носится, как оленем укушенный. Но здесь не побегаешь. Так что он – прыгает. Хорошо, что у него рост средний – будь на полголовы повыше, макушкой в потолок воткнулся б. Остальные спокойно стоят, перебирают струны, еле заметно чпокают палочками по альтовым и тарелкам – а звук все равно яркий, мощный, качает, а все эти взмахи руками – показуха, не более, – иногда, правда, гитаристы встают плечом к плечу и «рубятся». Заученное движение, рок-н-ролльный балет – всегда на ура проходит. Мужчины упитанные, стрижки как на военной кафедре (все, к слову, отслужили в свое время) – волосы только чуть уши закрывают. Валерий Алексаныч один только сохранил волосы свои очень светлые до лопаток, они у него сейчас крылами белыми вверх-вниз. Как крылья альбатрос. Образ узнаваемый. Иконический, что называется. Причем у Валеры он естественный – всегда такие волосы были, он сам как альбинос. Раньше думали – специально красится (а на гидроперит тратиться не надо). Теперь в гриве его просеребь седины не заметна. Вне сцены «хаер» туго завязывается в хвост, и en face Валеро, с увядающей светлой кожей в веснушках и набрякшими нижними веками, напоминает преподавателя гитары или торговца компакт-дисками с «металом». Собственно, это преподаватели электрогитары и торговцы компакт-дисками с металлоломом косят под него четверть века уже.

Джефу не надо смотреть на часы, чтоб понять: до конца выступления пятнадцать минут: заиграли не очень известную песню «Малюта Скурлатов» из альбома «Вокализ», официального, он на «Мелодии» выходил. По легенде, когда подруга группы – читай «группи» – по имени Марианна Набокова, выпускница филфака, хиппушка с седеющими спутанными волосами и набрякшими нижними веками, принесла текст Валере, тот сказал:

– Мариан, СкурЛатов – это петь неудобно. Давай Скуратов, как в школе по истории проходили?
– Нет, Скурлатов – так исторически правдиво! – воскликнула она, заламывая руки. И поспокойнее: – Ну ты споешь что угодно, Валер, что угодно, так что, Валер, иди на фиг.

Оказалось – правда, фишка. Даже школьный учитель истории в школе, где учился Джефъ, человек очень старый (под пятьдесят), никакой рок-музыкой совершенно не интересовавшийся, отметил,

Тогда надо было быть обязательно фанатом какой-нибудь группы. То есть носить значок за три рубля и слушать без конца кассеты с записями. Можно еще на школьной форме нарисовать логотип – но это мало кто умел.

что, вот-де, есть такая группа, тяжелый рок играют, и они вот так вот произносят фамилию палача знаменитого. К фанатизму Джефа от «Сонаты» это ничего добавить не могло, но учителя он прям зауважал даже.

Зазвучал, наконец, запланированный бис, кавер на песню Slade. Slade из русских рок-вокалистов один Валеро вытянуть может; звучит даже лучше, чем Нодди Холдер. Придумали такой финал для этого именно концерта. Ну и старые альбомные песни вспомнили, которые давно не играли, – хиты тут все равно никто не знает, так что какая разница.

– Takk, – еще раз сказал Джефъ и отодвинул кружку. Пустую наполовину, с двумя пенными кольцами на внутренней стороне.

* * *

В России как устроено: один раз прославился – все, навечно звезда. Особенно если ты из доперестроечных 80-х. Из андеграунда. Русский рок, русский хеви-метал – неважно, происхождение решает. Ты – легенда. В прямом причем смысле, не журналистском – публикаций-то не было, записей профессиональных тоже, одни рассказы врущих очевидцев. «Сонату» в одном техническом вузе собрали Валеро и басист по прозвищу Гендель, который тогда не был никаким басистом, но учился пять лет в музыкалке по скрипке и решил, что четыре струны в квинтовом строе – это то же самое, что четыре струны в квартовом строе. Весь институт они что-то там ковыряли, песенки какие-то, с другими такими же самодельными музыкантами самозваными рокерами, потом всех позабирали в армию, и вот там, как ни странно, произошел, как говорится, качественный скачок. Оба попали в оркестры. Валеро отправили в вокально-инструментальный ансамбль, ВИА. Позор для будущего металлиста, но к «Сонате» своей он вернулся уже в другом статусе – профессионала. Их группу так и стали называть в шутку – филармонический метал. Власть тогда гайки ослабила. Точнее, ей уже не до заморышей с гитарами стало. Решили, что металлисты лучше всяких питерских рокеров: петь про драконов, рыцарей и ядерное разоружение – это лучше, чем какое-нибудь «дайте мне мой кусок жизни, пока я не вышел вон» непонятное, до такой степени непонятное, что уже, возможно, и антисоветское. А эти волосатые в колготках – да пусть их прыгают.

* * *

Джефъ впервые услыхал «Сонату» в десять лет. Во взрослых гостях, куда пришел с родителями. Там катушечный магнитофон был. Хозяин бобину большую поставил на девятнадцатой скорости, сказал – первая копия. С мастер-ленты писали. Отец Джефа сказал, что это «жалкая пародия на Сэббэт» и вообще «нашим не дано». А Джефъ сразу стал фанатом. Тогда надо было быть обязательно фанатом какой-нибудь группы. То есть носить значок за три рубля и слушать без конца кассеты с записями. Можно еще на школьной форме нарисовать логотип – но это мало кто умел.

Джефъ своих кумиров слушал всегда. Даже в 90-е, когда они уже не были мейнстримом. Всегда верил в них. Именно что верил, потому что предсказать новый взлет «Сонаты» в конце 90-х не мог бы никто. Но Джефа это не волновало. Он всегда знал, что музыки лучше этого «волосатого метала» а-ля восьмидесятые еще не придумали. А «Соната» – лучшая из лучших. И если кому и подражать – то только им. Старый миф: мальчики берутся за гитару, чтобы нравиться девочкам. В 90-е никаких девочек никакой гитарой было не удивить. Даже наоборот: вся эта музыка – занятие для лузеров. Крутые чуваки – которые зарабатывают бабки, гоняют на тачках с тонированными стеклами и нюхают кокаин под музыку диджеев. Диджей – единственная музыкальная профессия, которая более или менее котировалась.

Но на самом деле мальчики берутся за гитары не для того, чтобы нравиться девочкам, а для того, чтобы подражать мальчикам из знаменитых рок-

групп, у которых уже есть девочки, тачки, виски, кокаин и все остальное. Но это все прилагается, а главное тут то, что *ты* играешь и *тебя* слушают. *Ты* гонишь волну драйва, в которой все эти миллионы фанатов счастливы утонуть и захлебнуться.

Сейчас тоже кто-то что-то играет. Группы каждый день собираются и каждый день распадаются, еще не записав ни одного хита, ни одной даже приличной песни. Ну и собирают, соответственно, десять подружек в клубе на окраине, в каком-нибудь «Кафе Белочка» занюханном. Это у них в группе такое определение для плохих залов.

Но есть подозрение, что не в музыкантах дело. Публике это все не нужно. Ни кайф, ни драйв. У детей вон смартфоны-планшеты – Джефъ покупает гаджеты чаще сыну для черт знает чего, чем себе для работы. Вот каждый гаджет – как раньше новая группа, каждое приложение идиотское – как раньше новый альбом. Айтишники – вот кто мейнстрим и новые рок-звезды. Обидно. Не, на наш-то век славы хватит, но дальше-то что?..

Сын Джефа, кажется, «Сонату» вообще не слышал. Не интересно ему. Но что-то же он слушает, раз сидит все время за компом в наушниках с микрофоном. Что у него там происходит – неизвестно. В школу ходит нехотя, чуть что – «я заболел». Это значит, всю ночь в компе своем. Пойди проверь, как он там болеет и чем. А учится притом нормально, в смысле – не двоечник. Учителя нынче никого ни к чему принуждать не могут, орать – тем более. Господи, кем же они вырастут, непуганые такие?

* * *

– Нет, ну чего тебя понесло в музыку эту? – возмущался отец, когда Джефъ приходил с «базы», помещение под которую он ухитрился выбить у директора школы. – В музыкалку ты не пошел, на гитаре не стал учиться, ни слуха, ни голоса, и кому нужна эта басуха твоя?
– Отец, ты ничего не понимаешь в нашей музыке.
– Да какая это, на фиг, «музыка» – орете, как коты мартовские!

Женя-десятиклассник об ту пору: толстый, с отросшими до шеи волосами, в рваных джинсах. Сознательный имиджевый ход, отвлекающий маневр: пусть лучше ржут над рваньем, чем над жиртрестом. А басуха – это и защита, помимо прочего. Не в смысле по башке ударить. Просто у гопников в районе разговор короткий и в одну сторону. Гопота скалит грязные зубы, говоря тебе чо-то, какой-нибудь вопросик нелепый-заковыристый. Ответишь серьезно – шуток не понимаешь, в морду, значит. Ответишь в лад шуткой – «ты чо, борзый»? Опять в табло. Но есть закон *ихнего* гопнического Солнцева: музыкантов – не трогать. Благородно, наверное. Хотя брать у музыкантов по-любому нечего (гитары эти совковые даже бесплатно никому не отдашь – сам доплачивать будешь, лишь бы взяли).

В другой раз отец кивал на черный дерматиновый кофр бас-гитары, стоявший в пустом углу, как икона, и заявлял что-нибудь типа:
– Устарел же этот твой тяжелый рок!
– Хеви-метал.
– Тем более! Я ж помню все эти группы жуткие... над «Блэк Сабатом» еще в 81-м году все уже ржали!
– «Сабат» с Дио шикарный, ничего ты не понимаешь. Метал вечен, отец.
– Металл устал, – бурчал отец. – Ты еще битлов послушай!
– А что: Helter Skelter – предтеча метала.
– Опять ты со своим металлом! Лоб у тебя железный, вот что. И постригись!

Это откровенно беспомощно звучит. Отчаялся папа. От волос-то даже учителя отцепились: уже время послеперестроечное, уже все можно. Давно. В школу ходит в старой джинсовой куртке, на которой логотип «Сонаты» фирменным шрифтом. С буквой «S» в виде молнии. Сам нарисовал, с плаката скопировал (3 рублика плакат стоил; отец сказал «порву!»), потом упросил бабушку поверх вышить серебряной нитью. Бабушка сначала согласилась, но, увидав сей дизайн, опешила: «Что это за фашистские символы, ты что, рехнулся?» «Это руна, бабушка!» «Какая еще руна?» «Скандинавская, “Соулу”». «С какого аула? Да тебя из школы исключат к чертовой матери!» Не исключили. Может, зря.

* * *

Откуда вообще взялась эта «Соната» и почему ее до сих пор слушают? Отец Джефа был совершенно прав: хеви-метал так и остался динозавром 80-х, и всплеска массового интереса к стилю этому так и не случилось. Но те, кто тогда о себе сильно заявил, а потом не спился, не сторчался и не разменялся на модные эксперименты, те и впоследствии прекрасно выступали и вербовали новых поклонников.

«Соната» собралась вокруг Валеры и Генделя из обломков всяких молодежных ВИА, куда молодые парни-самодеятельные-музыканты попадали за талант, а не за диплом о высшем музыкальном образовании. Тогда музыкой профессионально заниматься

можно было только с дипломом о профильном образовании, причем по любой специальности, хоть «хоровое дирижирование». У директора – термина «продюсер» еще не было – импозантного сорокалетнего мужчины, именно такой и был. В каком-то смысле он и был дирижером. Хора, в каком-то смысле. И всех своих молодцев прикрывал и решал все их вопросы, от бытовых до триппер вылечить.

Первый хит – «Опричнина». Если можно так назвать эту песню, тогда понятия «хит» не было. Второй альбом, «Вокализ», стал настоящим официальным хитом – попал в чарт «Звуковой дорожки» газеты «Московский комсомолец». Хит-парад газеты этой, правда, тоже был не очень настоящий – его составляли не по продажам альбомов – тем более что там у «Сонаты» могло продаваться, легальных-то копий альбома не было, – а по опросу. «Сонатовцы» никак своих поклонников не подговаривали писать письма в редакцию и голосовать за альбом – им бы в голову такое не пришло. Для них вообще попадание в этот «Косомоец» стало сюрпризом. И более важным бонусом – выступление на празднике газеты на стадионе «Лужники». Там миллион народа собирался. Вот реально, не меньше.

И вот после этого плотину, как в той песне, прорвало. Из андеграунда – целый полк «метальных» групп. «Шах», «Мастер», «Август», «Ария»... Знатоки западного хеви ловили Валеру и его подельников по группе на плагиате у западных групп. Имена называли. Валера сразу взял манеру отшучиваться. Одна корреспондентка в иссиня-черной помаде и тенях (мейк-ап наверняка цыганского производства, расфасованный в игральные шашки вместо баночек) спросила: «Вот вы, являясь по сути русским ответом Judas Priest…» Валера тут же отсек со смехом: «Нет, русский Judas Priest – это группа “Мастер”, а мы – русский ответ Iron Maiden. Хоть они нас об этом и не спрашивали!» Наглость убедительна: больше про плагиат никто не заикался.

Джефъ долго подбирал название для своей группы. Остановился на «Анданте» – увидал на пластинке с Бахом, которую мама слушала. Отец ухмылялся: чего терминами-то понтуетесь, вы ж все без образования музыкального? Иль в классики метите? Ну-ну, отвали, Бетховен!

* * *

После школы Джефъ, получивший, к удивлению родителей, довольно приличный аттестат, поступил в институт. В технический, где конкурс тогда был сугубо условный. Конкурс аттестатов практически на все факультеты, кроме экономического новорожденного. Джефъ попал на факультет «Черная металлургия» – почти случайно, хотя название ему нравилось. Цель была: пересидеть армию на «войне» (военной кафедре), выйти свободным человек. И да, конечно, – развивать «Адажио».

Как ни странно, институт в этом смысле предоставлял просто все возможности мыслимые: и репетиционное помещение (всегда пустой гигантский актовый зал), и аппаратуру, и инструменты! Микрофоны, усилки и гитарки-барабаны-клавиши по какой-то неведомой халяве институт получил в свое время от иностранных партнеров-благотворителей-случайных-спонсоров, бог знает от кого еще. А плата с юных музыкантов такая: иногда выступать на институтских мероприятиях. Даже и это хорошо: это ж более или менее профессиональная задача. Прежние музыканты, с кем Джефъ играл в школе, отвалились. Трое учились в других вузах, а барабанщик просто сразу в армию ушел. «Я тупой, учиться все равно не буду».

Новые музыканты подбирались с трудом. Все желающие играли либо на гитаре, либо на фортепиано, для их «мелодичного спид-метала» совершенно ненужного. Пришел один, окончивший музыкалку по альту, – захотел играть на бас-гитаре. Давно, говорит, хотел, и, хотя сам любил Slade Queen и T-Rex, тут пошел на компромисс с совестью, объяснив себе, что решил «это тоже рок-н-ролл, в каком-то смысле». Джефъ уступил – переключился на ритм-гитару, аккордами чесать. Хотя с нею, конечно, выполнял чисто декоративные функции.

Уходили с базы поздно вечером. «Опять с гитарками своими? А кто сталь стране варить будет, а, гитаристы?» – так прощался с ними на проходной вохровец, дед с носом, как огромная малина, и мелкими колкими глазками под растрепанными, как швабра, бровями. Вохровец, судя по всему, за жизнь стали наварил – на два БАМа хватит.

К весне 1994 года «Адажио», просуществовавшее уже два года, могло дать получасовой концерт, хорошо отрепетированную программу. Выступали тут и там, где придется: городские праздники, всякие сходки молодежи и ветеранов и тому подобное. Проблема заключалась в том, что почти никто в группе ничего не сочинял, а если и пытался, то получалось как-то очень жиденько: один рифф гитарный, пара строчек с жалкой рифмой... Программа состояла из каверов: пара песен Iron Maiden, Judas Priest, наших «Шаха» и «Мастера» и, конечно, той же «Сонаты». Вокалист «Адажио», самородок Миха, на курс старше, снимал всех рок-вокалистов в ноль,

а Валеру на высоких нотах вообще «убирал». Среди московского «метального народа» уже ходили слухи, что есть такая «сонатинка» – группа, которая играет все эти навороченные неоклассикой хард-песни песни «Сонаты» лучше, чем оригинальная группа. Джефъ Михе руки целовать готов был. Этого, к счастью, до поры до времени не требовалось. Но вскоре произошли события, которые изменили для «Адажио» все. Джефъ ожидал не такого.

Он, конечно, мечтал запихнуть «Адажио» на разогрев к своим кумирам, «Сонате». На любых условиях. Хоть трупиком, хоть тушкой, как он сам говорил. И вот ему это удалось.

Хотя копировать «Сонату» – бизнес бесперспективный, ибо оригинал-то еле собирал какой-нибудь ДК «МАИ» в Москве от силы раз в год, а потом шарился по провинции, а своего материала у «Адажио» не было, но Джефъ все мечтал «греть» своих кумиров. А там пусть нас хоть разорвут.

Тут же встал вопрос: что играть-то? Программу собирали по кусочкам. Как трибьют кумирам. Вспомнили песню «Сонаты», которая есть только на одном бутлеге, а официально не записана и не играется на концертах. Плюс две альбомные песни, которые сама «Соната» почему-то на концертах никогда не играла. Каким-то образом слепили свою собственную композицию из тех нескольких риффов, что сподобились сочинить, и разрозненных строчек в разных стихотворных размерах. И добили инструментальной пьесой «Мартовские Иды» группы Iron Maiden. Джефъ играл то на ритм-гитаре, то на басу. Хотя коллеги по группе намекали, что лучше б он вообще на сцену не выходил. Он сделал вид, что намеков не понял.

Акции «Адажио» выросли – их уже стали приглашать на всякие подмосковные метал-фесты. Джефъ научился организовывать что угодно где угодно и на любых условиях. Всерьез придумывал пристроить группу если не в «Утреннюю почту», то хотя бы в «Нержавейку». Хотя почему не в «Почту» – Ольга Кормухина вот там спела что-то тяжелое фальцетом своим тинатернеровским, а мы что, хуже? Но через какое-то время после того концерта с «Сонатой» Миха позвонил Джефу и сказал:

– Чувак, я ухожу.
– Куда?
– Ты стоишь? Сядь!
– Не томи, говори быстрее.
– Если быстрее, то я теперь фронтмен группы «Соната»... э, ты не ударился? Я ж говорил – сядь, если стоишь.
– Сссссука... – Джефъ потирал затылок, которым ударился об шкаф, поскольку дернулся назад резко.

Оказалось, все правда. Валера ушел в бизнес – ну то есть имя свое предоставлял разным предприятиям. Друзьям. Это не афишировалось. По легенде – жил в деревне. А он и правда там много времени проводил – работать-то ему не надо было. Тогда этот бизнес – «купил там продай здесь втридорога и живи на эти три про́цента», как в том анекдоте.

Импозантный директор решил, что перспектив тут никаких, что ему это не надо. Миха предложил на эту серьезную должность все еще юного Джефа. Коллектив его принял.

* * *

Когда из-за бесконечных гастролей с «Сонатой» Джефъ наконец бросил институт, отец чуть не за́пил. Бутылку водки с соседом уговорил, но дальше, правда, сдержался. Бизнес, дела, 90-е на дворе – расслабляться нельзя.

– Ты кем работать будешь, а? – кричал отец.
– Я уже работаю.
– Да что это за работа – с группой ездить! В трудовую что тебе запишут?
– Да кого это волнует... Сейчас вообще ни с какой работы не прожить – ее нет просто, а если есть, то там ничего не платят.
– А ты хочешь миллионы сразу?
– Да почему сразу и миллионы... Я хочу нормального дохода, жить чтобы, но у кого сейчас деньги – у банкиров и... Я хоть менеджер...
– Останешься без диплома, профессии, денег, в конце концов.
– Мне терять нечего.
– А семья?
– Кстати, о семье. Я тут подумал...
– Вот даже не думай!
– Ну просто мы со Светкой... ты только не волнуйся.
– Мне-то что.
– Тебе-то, конечно, ничего. Мы же оба взрослые люди.
– Кто?
– Ну кто – мы со Светкой. (Это его подруга.)
– Погоди, она что, беременна? – Отец привстал.
– Ну как тебе сказать...
– Идиот! Срок какой?
– Три.
– Идиот! Оба вы идиоты!
– Пап, мы взрослые люди.
– Мудаки вы мелкие, а не люди... Я думал, что в Москве живет один мудак, но я ошибался, их, ока-

зывается, двое. У тебя теперь вся жизнь псу под хвост, ты понимаешь?
– Если псу под хвост институт этот дурацкий – то и слава богу. Давно пора.
– Так отчислят – в армию пойдешь!
– С ребенком не возьмут.
– Год всего не берут, идиот. А потом в кирзачи обуешься, как рядовой.
– Там я что-нибудь придумаю.
– Напридумывал уже. Слушай, может, это...
– Что, отец?
– Ну, решить этот вопрос...
– С армией?
– С беременностью, идиот.

Тут в кухню вошла мать Джефа:

– Я вам решу. Я вам сейчас так решу! – Она покачала головой. – Бедная девочка... Женька, звони ей. Пусть собирается и переезжает.
– Куда?
– Идиот, – вздохнула мать. – Жить у нас будете. Миша, не спорь!

* * *

В день выезда музыканты спустились в лобби вовремя, бодренькие и позавтракавшие. Техники запаздывали: это техники больше похожи на рок-звезд – молодые, тощие, волосатые, похмельные.

Джефъ ехал в микроавтобусе. В «мерсе» с Валерой – басист и журналист этот юный. Джефъ чувствовал себя более или менее, поскольку вчера на аквавиту не налегал. Норвежская «поляна» after party пугала: вино, пиво и аквавита – травяная водка скандинавская. Лучше даже не начинать.

Через полчаса подъехал «мерс» представительского класса (бытовой «райдер» – святое дело, а норвежцам этот пункт выполнить несложно). Валера сел вперед, гитарист назад направо, журналист – за водителем.

Журналист сразу достал диктофон и спросил:

– Валей Александрович, прокомментируйте, пожалуйста, ваше выступление.
– Мы старались, – сказал Валера. – Раскачать их всех. Вроде получилось.
– Ну а то, что на фестивале было довольно много попсовых групп...
– Я не слушал, я к своему выступлению готовился.
– Ну а как вам вообще то, что теперь в хеви-метал-фестивалях играют глэм, хард и попсу всякую?
– Да ничего, была б музыка хорошая. Я сам глэм обожал – Slade тех же.
– Ну сейчас же полный бред! – продолжал давить журналист, и совершенно было непонятно, к чему он клонит.
– Да бреда всегда было достаточно, – уклонился Валерий Саныч. – В мейнстриме всегда было много мусора.
– Сейчас бред – часть мейнстрима, – вздохнул журналист.

Все засмеялись. Валера просунулся между широкими мягкими сиденьями:

– Слушай, давай я тебе в самолете интервью дам? Ты парень, видать, серьезный, надо нормально поговорить. Мы в первом классе, там никто не помешает. Лады?
– О'кей, – кивнул журналист. Вот это удача – с самим Валерий-Алексанычем сидеть в первом классе и беседовать два с четвертью часа! Счастье прям.

Ехать три часа до Мурманска. Через границу. Водитель, явный патриот местных мест, несколько раз оговорился – «едете в Россию». А тут что, не Россия? «Тут – север!» Все время какие-то истории травил. Про баню и ныряние в прорубь, как тут принято. «Кайф неземной, ну вы, ребята, наверное, все виды кайфа знаете!» Никто не улыбнулся. «У нас не пьет никто даже, – сказал басист. – Сам в завязке и не скучаю. У меня вон внуки, хватит. Да и потом – музыка все равно главнее всего». «Ну да, вы ж такие популярные...» – сказал водитель важно. «Не играл бы я в "Сонате", я б дома на виолончели пилил», – пожал плечами басист. «Не играл бы ты в "Сонате"... – Валера, сидевший на переднем сиденье, резко обернулся. – Группы бы не было... уже бы давно. Бах, без тебя ж группа не группа! Ты ж у нас мастер полифонии!» Все захихикали, уже скорее из вежливости и добродушия, но это значит, что обстановка уже совсем дружественная установилась.

– Извиняюсь, – сказал журналист, которому его вопросы не давали покоя, – а как вам, Валерий Александрович, такой зал... мм... небольшой?
– Да отлично, – пожал плечами Валера. – Уютно, контакт с публикой сразу, голос сильно напрягать не надо.
– Ну вы ж, наверное, в таких никогда не выступали! – продолжил давить журналист.
– Сто раз выступали. Всякие ДК в Подольске, в Рыбинске. А филармонии областные – просто песня. В плохом смысле. Круче только в деревенских клубах.
– Неужели?
– Ну да. Все это проходят. И мы. До того, как стали мейнстримом.

– Это когда Гендель с вами играл?
– Д-да. – Валерий Алексаныч кивнул, уголки губ его оттянулись вниз.
– Да, это с Генкой еще, – добавил басист нейтральным тоном.

Больше про историю группы не говорили и всю дорогу до аэропорта проболтали ни о чем.

* * *

– Как съездили? – спросила жена, встречая Джефа.
– Нормально.
– Не расскажешь?
– Светуль, дай раздеться-то.
– Разденься... и выйди на улицу голым.

Джефъ сказал сурово:

– Я вам свитера привез.
– С «Сонатой»? Их девать некуда.
– Норвежские родные. Саамки вязали.
– Чьи самки?
– Человеческие. Не хочешь – не носи.
– Давай уж, добытчик. Спасибо.

Она потрепала Джефа по редеющему ежику волос.

– Ты теперь надолго?
– В смысле – здесь?
– В смысле дома.
– Ну месяц у нас точно нет концертов, а там как получится. По идее, тур новый надо верстать. Ну и корпоративы никто не отменял.
– Значит, снова через неделю сорвешься.
– Скажут – сорвусь. А то ведь кто его, – Джефъ мотнул головой в сторону комнаты сына, который, кстати, так и не появился, – будет обувать-одевать?
– Кстати, он молчит что-то.
– Он вообще немногословен, ты не заметила за последние полтора десятка лет?
– Он *о чем-то* молчит. Не просто не говорит, а не говорит что-то. Зайди к нему.
– Зачем? Раз он молчит?
– Ну, может, с тобой будет пооткровеннее... Давай, Джефъ, камон.

Джефъ зашел в ванную, вымыл руки, ополоснул лицо. Сейчас бы фужер коньяку да лечь с пультом от плазмы, на которой «Матч-ТВ». Где Джокович с кем-нибудь. С Давыденко, например.

– Сын. – Джефъ вошел в комнату с белым крашеными стенами, которая была б совсем пустой, если б не платяной шкаф, толстенный ортопедический матрац на полу, компьютерный столик и кресло. – Здравствуй. Ну, как ты тут без...
– Предки, я от вас сваливаю. – Сын резко повернулся в своем глубоком компьютерном кресле с подголовником, закрывающим уши.
– Куда?
– На съемную квартиру.
– Зачем тебе квартира? На что ты ее снимать...
– Я с барышней.
– С кем?
– Мы с ней уже три месяца чатимся.
– Это повод съезжаться?
– А чо – нет?

Джефъ вздохнул. Ну что за шутки дебильные.

– Да съезжай. На что ты только квартиру снимать будешь?
– Биткоин продам.
– Кого? А... господи. Откуда у тебя биткоин?
– В прошлом году прогу написал одному геймеру из Канады, он мне биткоин подогнал.
– Хм, а он сейчас сколько стоит? Три тысячи долларов?
– Пятнадцать.
– Да ладно?
– И растет. Сводку NASDAQ показать?
– Не надо.

Джефъ прошел на кухню.

– Ну? – спросила жена.
– Не нукай...
– Что говорит-то?
– Слушай, мы из отпуска коньяк привезли, помнишь? В дьютике взяли, ты сказала, что для торта, чтоб корж пропитывать.
– Ну брали, да. А что?

Он побарабанил пальцами по столу и попросил:

– Светлана Сергевна, накапайте мне, пожалуйста, пятьдесят грамм, будьте так любезны.
– А что, без бутылки не разобраться?

Он покачал головой. Жена ушла искать коньяк в серванте.